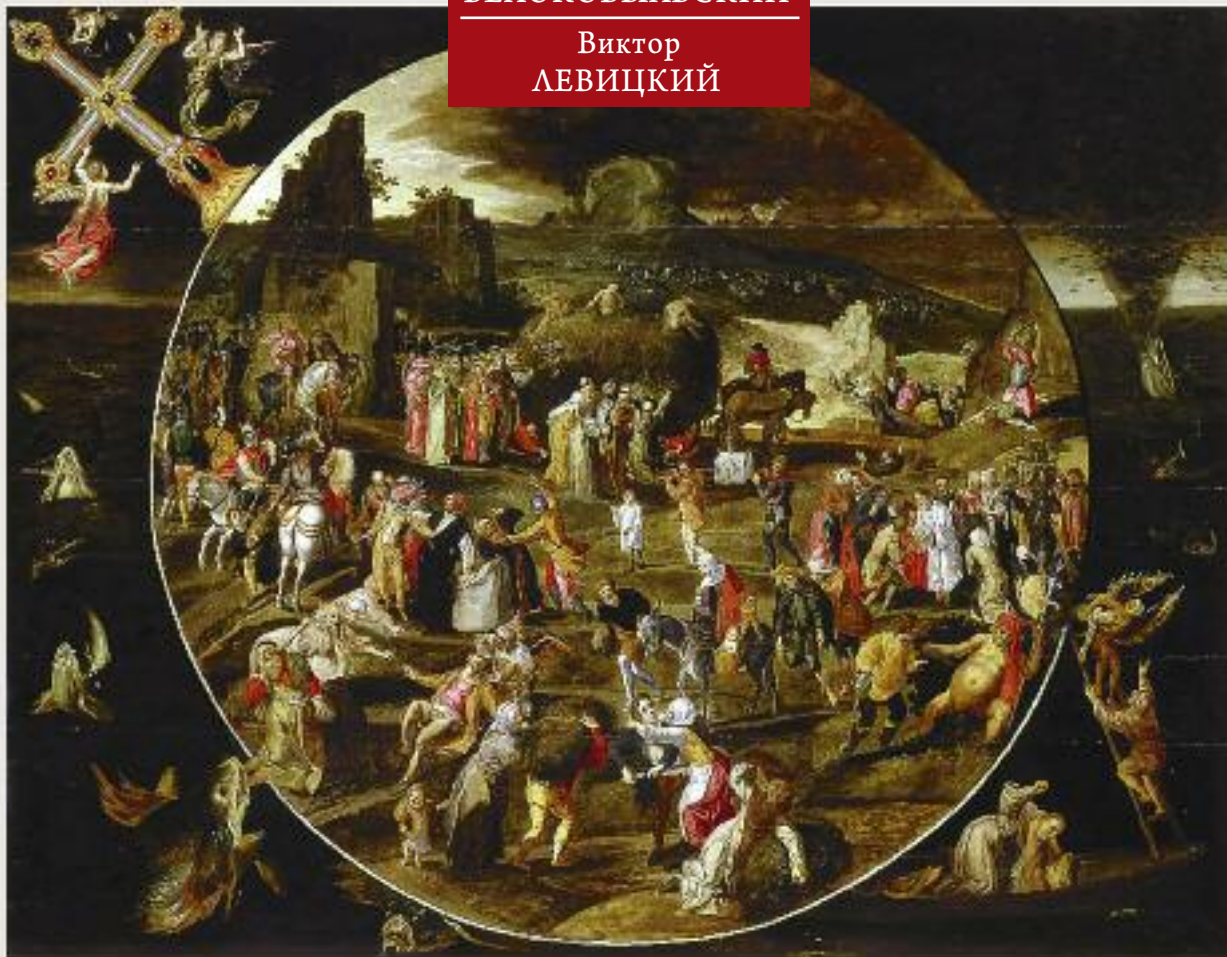

Александр
БЕЛОКОБЫЛЬСКИЙ

Виктор
ЛЕВИЦКИЙ

Школа Гиллиса Мостарта. Аллегория мирского тщеславия. Вторая половина XVI века

УКРАИНА И РОССИЯ в эпоху постсекулярных идеологий

Вопрос о роли предельных философских обобщений остается открытым. С одной стороны, взгляды подобные теориям «конца истории» или «столкновения цивилизаций» настолько абстрактны, что не могут быть однозначно верифицированы – как, впрочем, и фальсифицированы – конкретными эмпирическими фактами. Однако с другой стороны, именно вокруг таких метаконцепций формируются стратегии глобальных культурных изменений. В этой области эвристический, организационный, а возможно, и мобилизационный потенциалы историко-философских построений трудно переоценить. И именно здесь – в сфере понимания глобальных трансформаций миросистемы в первые десятилетия XXI века – наблюдают-

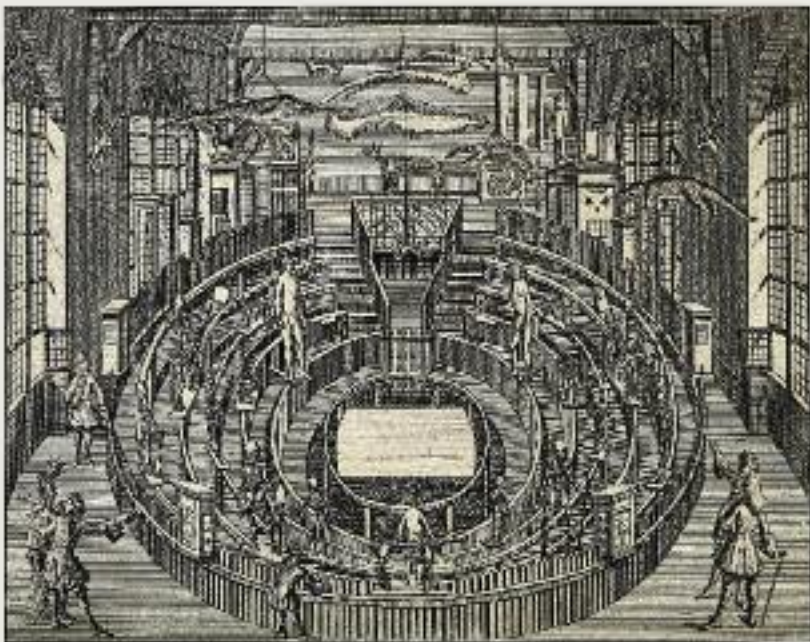

Александр Владимирович
Белокобыльский –
доктор философских наук,
профессор, директор Киевского
отделения Украинского института
стратегий глобального развития
и адаптации

Виктор Сергеевич
Левицкий –
кандидат философских наук,
директор Украинского института
стратегий глобального развития
и адаптации

Анатомический театр в Лейдене. Гравюра XVIII века

В науке зародился подход, который разительно отличается от религиозного и традиционного: мы стремимся подчинить природу и изменить окружающий мир. Вера в существование подлежащего изучению, целенаправленному изменению и покорению мира, а также осуществляющего это изучение/изменение/покорение человека/общества и составляет сущность того универсального проекта развития человечества, который сформировался в границах западной цивилизации

→ ся определенные теоретические проблемы. Действительно, трудно указать такой взгляд на события последних лет, который смог бы объединить в одной схеме и «крестовый поход», почти объявленный Бушем-младшим против исламского терроризма, и кризис мирового порядка, сложившегося после Второй мировой войны, и проблемы Европы, и тотальную радикализацию политической атмосферы в мире, и наблюдаемый в разных частях земного шара религиозный ренессанс.

Еще один ключевой вопрос – о том, допустимы ли в области подобных метаконцепций технологии оптимизации этой ситуации. Иначе говоря, открытия в области конструктивистской функции человеческого интеллекта, сделанные в прошлом веке, позволяют предположить, что артикуляция именно «оптимистичных» аттракторов, в направлении

которых может развиваться система, способно сыграть позитивную роль в том случае, если предложенная теория окажется эвристичной и будет воплощена в жизнь.

Собственно, ниже и предлагается попытка ответа на вопрос, каким образом понимать происходящие с нами и нашими странами перемены, который дан в свете предположения о том, что технологии оптимизации все же допустимы.

Мир первичной секуляризации и мир секуляризации вторичной

Причину утраты Европой – а возможно, и западной культурой – роли цивилизационного гегемона следует искать не в экономических или даже политических циклах новейшего времени, а в более масштабном историческом контексте.

Если взглянуть на историю Европы, то именно на рубеже I и II ты-

сячелетий нашей эры произошли кардинальные изменения, приведшие к рождению через несколько столетий новой, как мы говорим сегодня современной, Европы. Эти изменения – формирование нового типа города, рождение университета и схоластической теологии, а также светского пространства общественных отношений и легитимаций – стали следствием невиданной ранее унификации европейской культуры, объединенной вокруг христианского учения, литургии и проповеди. Европа поступательно превращалась в более или менее светское культурное пространство, со временем распространившееся на части Америки, Азии и Австралию. Собственно, экспансионистское расширение светского культурного пространства, сегодня обобщенно называемого Западом, и следует считать глобализацией.

Необходимо обратить внимание на то, что секуляризация как целенаправленное и практически полное выхолащивание религиозных смыслов из культуры – а не рационализация религии, то есть нормальный этап в становлении любой развитой религиозной традиции, – как это было показано украинским религиоведом Русланом Халиковым, произошла в человеческой истории лишь однажды и именно в средневековом латинском христианстве. В отличие от «нормальных» трансформаций религиозных традиций, происходивших в разные времена и на разных континентах, в процессе которых существовавшие религии изменялись или порождали новые религиозные движения, в Европе появился новый – нерелигиозный – тип культурного бытия.

Светская западная цивилизация сформировала секулярное понимание себя и мира, и этим она разнилась с традиционным обществом, которое имело мифологические представления о мире и человеке, их прошлом и будущем. Светские представления сложились в результате рациональной «зачистки» христианского мировоззрения от религиозных и мифологических элементов. Вплоть до сегодняшнего дня западный человек верит – причем практически религиозно – в существование материального мира, появившегося в результате Большого взрыва, в историю и прогресс, не за-

мечая некоторой неестественности и бездоказательности этого «символа веры». Однако именно с воплощением в жизнь подобных постулатов было связано взрывоподобное развитие научного знания, а также знания технологического. Следует заметить, что технологический прогресс, следствием которого и стала индустриальная цивилизация, был связан не только с научными открытиями, но и со сменой способа видения мира. Именно в науке зародился подход, который мы практикуем до сегодняшнего дня и который разительно отличается от религиозного и традиционного: мы стремимся подчинить природу и изменить окружающий мир. Вера в существование подлежащего изучению, целенаправленному изменению и покорению мира, а также осуществляющего это изучение/изменение/покорение человека/общества и составляет сущность того универсального проекта развития человечества, который сформировался в границах западной цивилизации. Именно бытие в этом современном проекте символизировало для Европы культуру – в отличие от религиозного варварства. Против последнего был объявлен «крестовый поход», получивший название Просвещения. «Крестоносцы разума», благодаря сплоченности и технологической вооруженности, сместили на своем пути архаичные и разрозненные ряды своих религиозных оппонентов и расширяли ареал западного общества.

«Сперматические логосы» агрессивно расширяющегося пространства новой светской культуры – невиданная ранее историческая перспектива, новая система пространственно-временных координат, представления о децентрализованном профанном географическом устройстве мира, человечестве и т. д. – зарождались в среде школьных/университетских интеллектуалов, которые создавали специфический слой новой элиты, равномерно распространенный по всей территории новой цивилизации. В этой интеллектуальной общности на почве античных философских теорий и вызревали рафинированные рационализации христианского универсума, секуляризовавшие метафизическое ядро мышления и реальности, а также постепенно распростра-

Деталь Университетской церкви Пресвятой Богородицы в Оксфорде

Две идейные среды секуляризации – сообщество западных интеллектуалов, сплотившихся в конце концов вокруг разбросанных по территории континента университетов, и Западная и Центральная Европа как пространство, для которого университетская мысль имела формообразующие влияние

нявшиеся на все культурное пространство.

В подобной новой реальности выстраивалась вся жизнедеятельность средневекового европейца, и именно эта реальность под влиянием секуляризации европейской мысли постепенно изменялась в реальность секулярную. Присущие ей культурные смыслы распространялись вместе с экспансией «Новой Европы», одним из категорических императивов которой – религиозных по своей природе – было требование распространения евангельской вести. В отличие от других христианских культур, западное христианство – вместе с наукой, национальным государством и машинным производством – создало ценностно-смысловой универсум, в котором религиозные смыслы имели подчиненное значение. Именно здесь впервые в истории рационализация религиозной традиции переросла в отрицание культурной

значимости религии, то есть в секуляризацию.

Следует подчеркнуть, что секулярные тенденции, заносимые отсюда в другие культурные ареалы вместе с экспортом технологий, теорий, идей, могли закрепиться на новой почве и даже дать ростки, но они всегда приходили из одного центра – из культуры уникальной, или первичной, секуляризации, которую и представлял собой латинский Запад. Две идейные среды секуляризации – сообщество западных интеллектуалов, сплотившихся в конце концов вокруг разбросанных по территории континента университетов, и Западная и Центральная Европа как пространство, для которого университетская мысль имела формообразующее влияние, – кажется, совпадают с современными топосами, в которых, по мнению Питера Бергера, остается релевантной классическая теория секуляризации. (В одной из своих лекций ➔

→ Бергер высказался следующим образом: «Где же тогда светскость разместится на этой карте? Я бы сказал, в двух местах. Во-первых, есть тонкая, но влиятельная прослойка интеллигенции – в более широком смысле это люди с высшим образованием западного типа, особенно в области гуманитарных и социальных наук. Они представляют собой светский Интернационал, члены которого могут встречаться в любом государстве. Опять же, я не могу сейчас рассуждать о том, почему этот вид образования имеет эффекты секуляризации (подозреваю, что это главным образом из-за едкого понимания относительности убеждений и ценностей). Но я хотел бы отметить, что этот специфический Интернационал помогает объяснить кажущуюся правдоподобность (благообразие) теории секуляризации среди многих западных интеллектуалов: когда они едут, скажем, в Стамбул, Иерусалим или Нью-Дели, они почти везде встречаются с другими интеллектуалами – людьми, во многом похожими на них, – и они могут прийти к выводу, что та или иная культурная общность точно отражает культурную ситуацию за пределами, – действительно роковая ошибка! (Нужно ли добавлять, что было бы столь же ошибочно считать, что, скажем, гарвардское научное сообщество отражает место религии в американской культуре?) Существует также, во-вторых, географическое исключение пульсирующей вездесущности религии в современном мире – Западная и Центральная Европа. Это, я думаю, самая большая часть света, где старая теория секуляризации продолжает быть эмпирически подтверждаемой. Вопрос в том, почему это так трудно».)

Эта часть Европы была местом рождения секулярной культуры, точнее, была и есть собственно секулярной культурой, для которой все другие культурные миры – не более, чем поле распространения секулярной реальности. С этой точки зрения Европе как миру уникальной, или первичной, секуляризации противостоит весь мир, на который распространяются секулярные смыслы и связанные с ними практики. Это – мир секуляризации вторичной, или производной.

В отличие от того уникального культурного пространства, кото-

рое сформировалось в результате секуляризации христианского универсума в рамках «Новой Европы», культуры мира вторичной, или производной, секуляризации можно объединить в одну группу скорее условно. Значительную часть этих субуниверсумов составляют культурные миры, никогда не входившие (или входившие весьма условно) в контакт с западным миром. Составлявшие их жизненный мир мировоззренческие горизонты не содержали элементы, характерные для христианского мировосприятия в его религиозном и секуляризованном видах. Эти культуры постепенно усваивали представления о мировой истории, прогрессе, науке, человечестве, мировом порядке и т. д. вместе с импортом западных технологий, инфраструктуры, социальных отношений.

Впрочем, культуры вторичной секуляризации все же не отказываются полностью от своих «досекулярных» приоритетов. И здесь необходимо указать на принципиальное различие двух типов культур мира вторичной секуляризации. Культуры, которые организовывали свою деятельность в социальных реальностях, принципиально отличных от западной, усваивая западные образцы, не слишком при этом отклонялись от собственных ориентиров общественной жизни. Совсем другую картину демонстрирует другая часть мира вторичной секуляризации. Распространение секулярного пространства на культуры, чье развитие происходит в тесном взаимодействии с миром первичной секуляризации, было более конфликтным. Там, где исторически существовало определенное количество людей, получивших образование в западных университетах, наличествовало, соответственно, и сообщество носителей секулярного мировоззрения. Эти люди, оставаясь представителями своих культур, начинали мыслить западными категориями, в том числе и когда осознавали или даже отстаивали собственную идентичность. В их среде постепенно сформировались оригинальные варианты тех культурных регулятивов, о которых говорилось выше (история, цели прогресса, представления о мировом порядке, обществе, самих себе). Постепенно на границах мира пер-

вичной секуляризации были сформированы альтернативные проекты глобального развития, противостоявшие современному проекту.

Некоторые отрезки границы западной цивилизации оставались более или менее устойчивыми на протяжении столетий. Именно здесь, на востоке и юге Европы, в диалогической-сосуществовании, заимствуя и переосмысливая западные новации, формировались религиозные ответы на западную экспансию. Речь идет о православном и исламском мирах, которые во многом повлияли на становление западного варианта христианства и самой западной культуры, однако оставались до поры до времени несекуляризованными. Россия исторически играла роль одного из центров мира вторичной секуляризации, а территория Украины на протяжении веков оказывалась по обе стороны границы между двумя мирами.

После идеологий: эпоха религиозно мотивированных глобалистских проектов

Секулярное мышление и опирающаяся на него культура занимали центральное место на мировой арене до тех пор, пока внутренняя логика их развития и экспансии не привела к явлению десекуляризации – возвращению религий, религиозных сообществ и идентичностей в геополитику. Рассмотрим последствия секуляризации смыслового ядра европейского культурного опыта – того, что в литературе называют совокупностью категорий культуры, матрицей культурных смыслов, ценностно-смысловым универсумом и т. д. При всем различии указанных терминов речь в первом приближении идет о мировоззренческом фундаменте мышления культуры. Секуляризация этого мышления и тех онтологических схем, которые использовались им для структурирования реальности, привела к рождению естественнонаучного мировоззрения, а оно, в свою очередь, – к разрыву между «дочеловеческой» и человеческой историей. В религиозном нарративе история мира и общества представлялась неразрывной и на всем своем протяжении зависевшей от Бога. В новой реальности история происхождения «естественного» порядка мироздания превратилась

Гаспар Фоссаги. Айя София в Константинополе, отгравированная по приказу султана Абдул-Меджида. Литография 1852 года

в часть содержания понятия «природа» (и стала предметом заботы естественных наук), а историю общества так или иначе стали интерпретировать идеологии.

Идеологии представляют собой варианты секуляризации христианской парадигмы, привязанные к естественнонаучной онтологии современного универсума и заполняющие его трансцендентные «пустоты» (секулярная онтология отрицает существование трансцендентных сфер мироздания). Идеологии принимают на себя социально-легитимирующие функции, которые ранее органично «встраивались» в онтологию культурной парадигмы. Именно поэтому о каких бы идеологемах ни шла речь – либеральной, фашистской, коммунистической, – они всегда абсолютизируют те или иные стороны христианских представлений о должном на основе светских взглядов на природу. Перед нами «эрзац-религии» (термин Ульриха Матца), которые отрицают сакральные смыслы, так как замещают их, но подобно религиозной культурной парадигме обладают

**На востоке и юге Европы
в диалоге-войне-сосуществовании, заимствуя
и переосмысливая западные новации, формиро-
вались религиозные ответы на западную экспан-
сию. Речь идет о православном и исламском
мирах, которые во многом повлияли на становле-
ние западного варианта христианства и самой
западной культуры, однако оставались до поры
до времени несекуляризованными**

«ориентационным и мобилизационным потенциалом».

Идеологические построения наглядно объединяют утратившие сакральное значение онтологические конструкты – историю, реальность и прогрессирующий социум – в целостную систему. Находясь под определяющим влиянием идеологии культурной парадигмы, современный человек склонен воспринимать историческую реальность как вторичный, подчиненный идеологии продукт. Субъекты исторического действия, структурные элементы настоящего, цели и ценности исторически ориентированного разума, в конце концов, все культурные смыслы формируются в свете этого пара-

дигмального влияния. Критическая рефлексия (то есть мышление в соответствии с новыми стандартами рациональности), как всходящее солнце, растворяет марево «ночных» (мифических) видений: эсхатологическую историю, сотворенный мир, монархическое государство или идеал личного спасения. Культурное пространство погружается в секуляризованную историю, «населенную» мирно сосуществующими или борющимися между собой нациями, а привязанная к географическому пространству реальность расчерчивается границами демократических государств. Совершенство трансцендентных культурных смыслов, сосредоточенных ➔

Ефим Дешалов. Штурм Зимнего дворца. Фрагмент диорамы

**В новой реальности история происхождения
«естественного» порядка мироздания
превратилась в часть содержания понятия
«природа» (и стала предметом заботы
естественных наук), а историю общества так или
иначе стали интерпретировать идеологии**

→ в сакральном «надбытии» и принципиально предпосланных религиозному разуму, сменяется областью по необходимости (ввиду секулярных тенденций) имманентных разуму «критических дискуссий», позднее названных Карлом Поппером «Миром 3».

Идеологии, таким образом, представляли собой светские заместители религиозных гранднарративов, которые были «завязаны» на новую онтологию, но продолжали выполнять идентификационно-консолидирующую и мобилизационную функции в стремительно секуляризирующихся европейских сообществах. В отличие от религиозных доктрин – в частности, христианской – идеологии не опирались на канонизированную догматическую платформу, однако тот факт, что каждая из них наследовала христианскому гранднарративу, абсолютизируя тот или иной его аспект, превращал их

в достаточно устойчивые доктринальные комплексы, в центре которых находилось нефальсифицируемое метафизическое (по сути, религиозно-мифическое) ядро. Кроме того, в отличие от христианского вероучения, опирающегося в публичном пространстве на богослужения и проповедь, идеологии были связаны со сферой светской литературы и развивающихся средств массовой информации, бурное становление которых характерно для всей эпохи классического Модерна – со второй половины XVI века и вплоть до конца XX века.

Рождение новых средств массовой информации и коммуникации, допускающих, в частности, обратную связь между СМИ и реципиентом информации, а зачастую и меняющих их места, внесло коррективы в восприятие идеологий и религий. Из внешних и абсолютных приоритетов они превращаются в

постмодернистские прагматические парадигмы, позволяющие более или менее автономным субъектам реализовывать свои интересы и убеждения.

Границы религиозных и идеологических традиций размываются, человек по своему усмотрению может «собирать пазл» собственных представлений, зачастую не идентифицируя себя ни с одной из них. Всё большее распространение получает контрсекулярная религиозность, характерными признаками которой является антизападная направленность, пренебрежение религиозной традицией и аскезой, обостренное ожидание конца света. Эти тенденции, накладываясь на историческое противостояние между цивилизационным гегемоном – культурой первичной секуляризации (западный мир) – и его оппонентами из мира вторичной секуляризации, поступательно тормозят секулярную глобализацию, порождая альтернативные варианты мировой глобализации.

Контрсекулярная религиозность мобилизует значительные массы людей на борьбу против светской цивилизации и ее ценностей. Естественной средой для подобного мировоззрения выступает виртуальная

реальность с ее пренебрежением к конкретным территориям, этносам и их границам. Новейшие средства виртуальной коммуникации делают каждое существо потенциально глобальным, а идентификация человека как его представителя не требует физической включенности в общину.

Важнейшие атрибуты глобализации в сфере общественного сознания – релятивизация устойчивых религиозных и идеологических форм, включая и определяющие для западной цивилизации представления о человеке и мире, с одной стороны, и высвобождение «религиозной энергии», которая ранее направлялась по традиционным религиозным каналам обрядов, таинств, благочестия, с другой стороны, – повлекли за собой трансформации в сфере религии и идеологии как форм этого сознания. В давнем историческом противостоянии между секулярной и несекулярной культурами на основе открывшихся новых возможностей, в том числе технического порядка, к жизни были вызваны религиозно мотивированные идеологии, отрицающие гегемонию западной цивилизации.

На сегодняшний день можно говорить, как минимум, о трех таких идеологиях, предлагающих собственные проекты глобального развития. Это Исламский проект, Русский мир и Китайский проект сердцевинных ценностей. (Примечательно, что Джозеф Данфорд, самый высо-

При всем различии (даже религиозном – шииты и сунниты) центром всех мусульманских проектов является ислам (иногда его интерпретации, не поддерживаемые официальными религиозными структурами), противопоставляемый «бездуховному» Западу и претендующий на «спасение» всего человечества (путем исламизации)

Идеологии представляли собой светские заместители религиозных гранднарративов, которые были «завязаны» на новую онтологию, но продолжали выполнять идентификационно-консолидирующую и мобилизационную функции в стремительно секуляризирующихся европейских сообществах

копоставленный военачальник США, председатель объединенного комитета начальников штабов, 23 августа 2016 года, излагая док-

трину угроз «4+1» назвал главными угрозами России, Китай, Иран, Северную Корею и насильственный экстремизм. То есть в первую очередь страны, которые имеют собственные альтернативные

проекты развития, и оказались главными угрозами, при этом вооруженный терроризм был помещен на последнее место.) Несмотря на то, что они появились и развиваются на совершенно разных культурных основаниях, можно выделить некоторые общие черты этих проектов, среди которых:

- принципиальное отрицание универсальности западных ценностей и предписаний;
- понимание западных ценностей как инструмента подчинения и эксплуатации других культур;
- обращение к собственной истории и религиозным традициям в поиске собственных культурных ценностей и норм;
- использование для продвижения своего проекта западных технологий и методов (социальные сети, СМИ, оружие, think tanks и др.);
- открытая идентификация собственных проектов как альтернативы западной секулярной модели.

Исламский проект, в отличие от Русского мира и Китайского проекта, не представляет собой целостности. Внутри самого исламского ➔

Русский мир апеллирует к партикулярной культурной традиции и легитимному праву на продвижение собственных ценностей, оправдывая его важнейшей исторической ролью русского православия

→ мира происходит борьба за право представлять его в глобальной конкурентной борьбе. Сегодня выделяются, как минимум, четыре возможных претендента: Иранский, Арабский и Турецкий проекты, а также наиболее радикальная версия, представленная Исламским государством. При всем различии (даже религиозном – шииты и сунниты) центром всех проектов является ислам (иногда его интерпретации, не поддерживаемые официальными религиозными структурами), противопоставляемый «бездуховному» Западу и претендующий на «спасение» всего человечества (путем исламизации).

Русский мир также апеллирует к партикулярной культурной традиции и легитимному праву на продвижение собственных ценностей, оправдывая его важнейшей исторической ролью русского православия. Идею Русского мира поддержали президент РФ Владимир Путин и патриарх Кирилл, заявив о консолидирующей функции русского слова, русской культуры и русского православия. Проект Русского мира хотя и не имеет общечеловеческой универсальности, является по своей сути глобалистским и направленным в том числе на обширные территории вне России, связанные с ней исторически.

Китайский проект, инициированный и поддержанный КПК, апеллирует не только к коммунистическим ценностям, но и к традиционной конфуцианской аксиологии. В ноябре 2012 года в отчетном докладе ЦК на XVIII съезде КПК был официально представлен список «сердцевинных социалистических ценностных воззрений», опирающихся на принципы раннего конфуцианства. Следует отметить, что система таких ценностей рассчитана как на внутреннего потребителя, будучи призванной консолидировать нацию и успешно противостоять идеологической экспансии Запада, так и на внешних партнеров, в первую очередь на непосредственных соседей, по отношению к которым была объявлена политика «родственности» и «инклюзивности». Появление Си Цзиньпина на форуме в Давосе в 2017 году (он стал первым китайским лидером, посетившим Давос) свидетельствует о полноценном включении Китайского проекта в конкурентную борьбу глобальных альтернатив.

Украина и Россия: увидеть возможность будущего

Отношения между Украиной и Россией сегодня в силу объективных и субъективных причин находятся на низшем за два с половиной десяти-

летия уровне. Большинство из существующих в России интерпретаций российско-украинских взаимоотношений можно определить, используя параллель с дискуссией между славянофилами и западниками. Проблема заключается в том, что для обоих указанных идейных полюсов религиозная интерпретация российской истории и российской идентичности является определяющей. Так как выше идеология Русского мира была отнесена к ряду религиозно мотивированных идеологем постсекулярного мира, попытаемся хотя бы бегло указать на риски использования этой парадигмы в дальнейшем развитии отношений между Украиной и Россией.

Задумывая Русский мир как «бесценный ресурс» (слова патриарха Кирилла) в эпоху глобализации, его авторы недооценивают тот факт, что, расширяя религиозную духовную общность на русскоговорящие территории, они совершают несколько ошибок.

Во-первых, одна из наиболее обширных таких территорий – украинская – имеет собственную духовную традицию (украинское православие в значительной своей части было связано не с Московской церковью), которая даже в случае широкого использования русского языка опирается на национальную историю со всеми ее атрибутами (датами, монументами, праздниками), несовместимую с традициями Русского мира. Вынуждая своих адептов принимать иную интерпретацию истории, идеология Русского мира превращает их в своеобразный анклав, чуть ли не пятую колонну, которая в силу своей изолированности неспособна к полноценному развитию.

Во-вторых, религиозная интерпретация истории оставляет вне Русского мира огромное количество собственно россиян, которые живут в светской России, но не являются не только прихожанами Русской православной церкви, но и христианами. Идеология Русского мира с необходимостью радикализирует отношения между мусульманами и христианами Российской Федерации, притом что эти отношения и без того нельзя назвать безоблачными.

В связи с этим интересно вспомнить давний геополитический экс-

перимент, проведенный русским царем Алексеем Михайловичем при активном участии патриарха Никона. Рассчитывая не в последнюю очередь на распространение влияния Московской церкви на украинские земли, они инициировали печально известную церковную реформу, «подгонявшую» русскую культовую обрядность под новые греческие образцы, принятые в том числе и на территории Украины. Тогда вне церкви оказались тысячи и тысячи искренно религиозных людей, чувства и мысли которых не были приняты в расчет геополитиками XVII века. Ирония судьбы заключается в том, что именно в результате этой религиозной катастрофы образовались многие из русскоязычных диаспор, составляющих сегодня потенциальный объект идеологии Русского мира.

Представляется целесообразным, осознав необходимость перехода от классических идеологий секулярного общества к религиозно мотивированным идеологиям постсекулярной эпохи, перевести бытие новых идеологических образований в эксплицитное состояние. На сегодняшний день в подобных идеологемах слишком много имплицитных «примесей», которые объясняются религиозным происхождением указанных парадигм, а также их относительно недавним укреплением на авансцене истории. Внося коррективы в эмоциональный строй идеологической риторики, можно выработать сценарий развития международной политики, при котором историческая и культурная близость Украины и России из камня преткновения превратится в геополитический козырь.

Сегодня более оправданным было бы признание независимости украинской и российской историй, которые берут начало в пространстве и времени Древней Руси, но развиваются по собственным сценариям и под разными влияниями, хотя и тесно взаимодействуя – как в положительном, так и в отрицательном смыслах.

Это позволит отойти от не подлежащей фальсификации религиозной риторики в исторических и политических вопросах и снять категоричность некоторых формулировок, а также перевести вопрос «от-

Оранта. Храм Святой Софии в Киеве. Мозаика начала XI века

Сегодня более оправданным было бы признание независимости украинской и российской историй, которые берут начало в пространстве и времени Древней Руси, но развиваются по собственным сценариям и под разными влияниями, хотя и тесно взаимодействуя

каза» от Украины из сферы экзистенциальных для бытия России вопросов в разряд практических и прагматичных – и Украина, и Россия имеют собственный путь, но их культуры во многом близки, и это должно сыграть свою роль в глобальной игре. Наконец, подобное мышление станет своеобразным предложением Западу переосмыслить значимость ценностных дискуссий и увидеть совместные цели перед вызовами современности. Предложенный подход отвечает реалиям нашего времени в части взаимного

отказа от украинского и российского национализма, взвешенной секуляризации истории, переходу на прагматический язык межгосударственного диалога.

Возможно, именно в попытке для начала помыслить допустимую нормализацию украинско-российских отношений, «визуализировав» желательный результат, а затем предложить сделать то же самое Европе в отношении наших стран – без обязательных победивших и побежденных – и находится ключ к разрешению сегодняшнего кризиса. **Р**